

Джон Ле Карре
Неразлучные
Вступление к новому изданию «Шерлока Холмса»
Перевод Т. Казавчинской

Доктор Ватсон не записывает истории, он с нами разговаривает. С эдвардианской учтивостью, у тлеющего камелька. Голос у него ровный — без взлётов и падений. Ясный, энергичный, как и подобает случаю. Голос далеко не глупого колониального британца — в твидовом костюме, пребывающего в мире с собственной особой. Владелец костюма вволю попутешествовал. Поколесил по свету, что называется, понюхал пороху. Но за границей так и не прижился. Он *отличный малый, верный до самозабвения, храбрый, как лев, на таких, как он, земля держится...* Подходят все трюизмы, но сам он вовсе не банален.

Тонкие чувства приводят доктора Ватсона в смущение. В искусстве он не силён. Зато, как и его создатель, он один из лучших рассказчиков, каких только знал мир. В тех редких случаях, когда он уступает сцену Холмсу, мы ждём, когда он вернётся. Холмса, сложного, блестящего, стремительного, неуёмного, небезопасно оставлять одного. О нет, он в полном порядке. Отлично маскируется, умеет залегать на дно, гримироваться так, что мать родная не узнает, притворяться мёртвым или умирающим, прочёсывать опиумные притоны, вступать с Мориарти в рукопашную на краю уступа, обводить вокруг пальца кайзеровского шпиона. Но всё это не меняет главного — того, что сам по себе он лишь половина личности, а полной становится, лишь когда верный Ватсон вновь берёт повествование в свои руки.

Слава богу, ни кипы учёных трудов, ни глубокомысленные диссертации чиновников от литературы не могут объяснить, почему один авторский голос нам слаще другого. Отчасти это вопрос доверия, отчасти — вопрос хороших или дурных манер рассказчика, отчасти — его авторитета или отсутствия такового. И отчасти — вопрос красоты, но в очень малой степени, совсем

не в той, в какой бы нам хотелось. Я жажду, чтобы меня очаровали как читателя, причём с первых же строк или уж никогда, из-за чего на моих полках теснятся ряды книг, бог весть почему брошенных на двадцатой странице. Но если уж я поддался авторским чарам, дело сделано. С самого детства Конан Дойл приобрёл надо мной власть. Я люблю его бригадира Жерара, и его свирепого пирата Шарки, и его профессора Челленджера, но больше всего я люблю Холмса и Ватсона. Такую же власть он обрёл над моими сыновьями, и я с удовольствием наблюдаю, как мои внуки один за другим поддаются под его обаяние.

Загляните ненароком в творческую лабораторию писателя, и поначалу вы испытаете разочарование: ни изысканных оборотов, ни редкостных прилагательных, разбросанных по странице, ни завораживающих психологических откровений. Но зато перед вами своего рода совершенство: совершенный баланс диалогов и описаний, совершенный выбор характеров, совершенное распределение действия по времени. Немудрено, что Конан Дойла, в отличие от других великих повествователей девятнадцатого и начала двадцатого веков, практически без потерь переводят на любой язык.

Профессиональные критики никогда не могли разгромить Дойла и никогда не смогут. Можно было глумиться над его спиритизмом, над его неразборчивой любовью ко всем научным открытиям подряд, можно было хулить позднего Холмса: он-де выродился и уже совсем не тот, что раньше. Но никто не обращал внимания на критиков ни в его время, ни сегодня. Сейчас, как и тогда, водители такси, государственные мужи, учёные и уличные мальчишки сидят у его ног, как зачарованные, — что доказывает, если бы требовались доказательства, что за скупостью языка скрывается великая терпимость — приятие человека во всей его сложности. Даже в его времена у Дойла было множество подражателей, неизменно и во всём уступавших ему, но преуспевающих. Если по какой-то невероятной случайности кто-нибудь из них сподобился бы придумать ужасного профессора Мориарти, готов поспорить, что Мориарти превратился бы в

коварного еврея. Придумай его Джозеф Конрад, он был бы озлобленным балканским радикалом, заикленным на уничтожении индустриального общества. Но у Конан Дойла не было на душе подобного бремени. Он знал, что зло способно жить ради самого себя. И не нуждался в ненависти и предрассудках — был достаточно умудрён жизнью, чтобы не клеить ярлыки на дьявола.

Задумайтесь, как искусно помещает он читателя между двумя своими протагонистами. Холмс — гений, бесконечно нас опережающий, и мы знаем, что никогда нам не догнать его. Да и зачем? Это и не нужно. Но не падайте духом: мы на мило опережаем еле ковыляющего простоватого доктора Ватсона! И что же в результате? Читатель, к своей радости, располагается между двумя главными героями. Есть ли в популярной литературе лучшее соответствие тому, что Томас Манн звучно окрестил противостоянием художника и обывателя?! В Холмсе, о чём нам никогда не дают забыть, воплощено стремление художника к саморазрушению. Ватсон же постоянно напоминает о присущей нам любви к социальной стабильности.

Неудивительно, что пара Холмс — Ватсон вызвала к жизни больше подражаний, чем любой другой литературный дуэт. Современная полицейская драма прибегает к нему снова и снова. Они, и только они, ответственны за кинофильмы, где действуют напарники. Нынешние триллеры тоже много потеряли бы без них. Не будь Шерлока Холмса, мог ли бы я придумать Джорджа Смайли? И без Ватсона мог ли бы я дать ему в сотоварищи Питера Гиллема? Хотелось бы верить, но вряд ли.

Мне было девять лет, когда в моей второй школе-интернате брат директора, святой человек с дивным голосом, раз в неделю в общей комнате читал нам, младшеклассникам, «Приключения Шерлока Холмса» на сон грядущий. В следующем семестре он перешёл к «Собаке Баскервилей»: я и сейчас слышу его голос, вижу его мощную фигуру, лысину, на которой играют блики горящих в камине углей.

— Следы?

Это Холмс спрашивает Мортимера.

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шёпотом:

— *Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!*

А теперь читайте. У вас в руках окончательная разгадка всех тайн Шерлока Холмса, собранных воедино и щедро дополненных обстоятельным научным вступлением и комментариями. И не волнуйтесь: о Холмсе и Ватсоне не пишут иначе, как с любовью.

24 октября 2003